

внимания заслуживает разработка *Словаря языковых стереотипов польского языка*, ставящего своей целью реконструкцию польской языковой и культурной картины мира.

Рассмотрение проблем, связанных с ЯКМ, проводится как в контексте изучения отдельных национальных культур, так и в контексте изучения культур в сопоставительном аспекте. Исследования ЯКМ, отдельных ее фрагментов направлены на выявление скрытых смыслов слов, каждое из которых обладает уникальной смысловой структурой, сложившейся на протяжении длительного использования языковой единицы носителями конкретного естественного языка. Таким образом, в качестве одной общей генеральной цели изучения ЯКМ можно выделить не только постижение лингвистических особенностей и закономерностей, но и раскрытие специфики развития человеческой культуры и цивилизации.

Источники и литература

1. Солганик Г.Я. О новых аспектах изучения СМИ. // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика. – 2000. – №3. – С. 32.
2. Językowy obraz świata. Red. J. Bartmiński. – Wydawnictwo Uniwersytetu M.Curie-Skłodowskiej. – Lublin. – 1999. – 297s.

Перепечкина С.Е.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ (с позиций социолингвистики)

Начало экспериментальной социолингвистики, опирающейся в своих исследованиях на эмпирический материал, восходит к 60-м годам XX в., прежде всего, к трудам М.В. Панова в России и У. Лабова в США, которые независимо друг от друга обратились к эксперименту как способу доказательства определенных теоретических построений, в данном случае – о зависимости языка от социальных факторов. Экспериментатор ставит перед собой задачу получить представительные и объективные данные о речевом поведении людей, принадлежащих к различным социальным группам одного языкового сообщества, для чего, безусловно, потребуется комплексный подход (его разработкой занимались Л.П. Крысин, А.Д. Швейцер, У. Аммон, У. Голлмах, С.М. Эрвин-Трипп и мн. др.). В области социофонетики методика проведения экспериментальных исследований получила свое интенсивное развитие и в Украине (работы Прокоповой Л.И. [1], Петренко А.Д. [2; 3], Стериополо Е.И. [4], Исаева Э.Ш. [5], Петренко Д.А. [6] и др.). Тем не менее, этот предмет продолжает вызывать дискуссии, в частности, о возможностях аудитивного метода, подборе и количестве речевых ситуаций, релевантных для дифференциации фоностилей и нек. др., поэтому **целью** статьи стал анализ основных принципов проведения социофонетического исследования вариативности произношения и теоретическое обоснование эффективности применения его отдельных приемов.

В практике изучения социально обусловленной языковой вариативности различаются две группы методов, специфических для социофонетики как научной дисциплины:

- 1) методы сбора материала, предполагающие, главным образом, фиксацию образцов речи на магнитоносители приемами «скрытой» и «открытой» записи;
- 2) методы анализа материала, предполагающие обработку и оценку достоверности полученных данных и их содержательную (социолингвистическую) интерпретацию.

Первую группу составляют: а) наблюдение (непосредственное/«внешнее» и «включенное», когда исследователь становится членом наблюдаемой им группы, при этом его отождествление должно происходить по максимуму языковых, поведенческих и других признаков); б) анкетирование (с целью получить наиболее полную информацию о социальной и территориальной принадлежности говорящих, условиях их социализации, владении и степени использования диалекта в различных коммуникативных ситуациях); в) интервьюирование («полустандартное» интервью [7] с применением заранее составленных вопросов, форма и порядок следования которых может меняться в зависимости от обстоятельств, содержание же сохраняется); г) тестирование («тесты самооценки» и «тесты на субъективную реакцию» [8, с.125], которые свидетельствуют об оценке говорящего собственного произношения, его отношении к ряду фонетических форм, о престижности отдельных вариантов произношения); д) анализ документальных источников, прежде всего, устных (аудио- и видеофрагменты радио- и телерадиосредств с интересующими исследователя образцами речи). Собственно, все упомянутые приемы служат вспомогательными средствами для проведения эксперимента и подчинены его цели.

Вторая группа методов включает аудитивный, электроакустический, корреляционного анализа (соотнесение социальных величин в качестве независимых переменных с языковыми в качестве полностью или частично зависимых) и математической статистики (с составлением таблиц и графиков). В процессе математико-статистической обработки данных, полученных аудитором и подвергнутых корреляционному анализу, выявляется зависимость (ее числовое выражение) между использованием языка и характеристиками его носителей (напр., социальным и территориальным происхождением, образованием, возрастом говорящего).

Ценность аудитивного метода для исследований на сегментном уровне (в немецкой научной литературе в этой связи существует термин «ohrenphonetische Differenzierung» – слуховая фонетическая дифференциация

ция) не вызывает в социолингвистике сомнений, поскольку она изучает процессы коммуникации в социальном аспекте, когда на первый план выдвигается не то, что фиксируется инструментально, а то, что воспринимается коммуникантами – именно это является для коммуникации самым важным (см. [9, с.58]). Следовательно, в социофонетике субъективный фактор (то есть то, что слышит человек в процессе коммуникации и как воспринимается им тот или иной произносительный вариант, какой социальный портрет говорящего складывается в представлении слушающего) становится таким же весомым, как и объективный (напр., математическая обработка данных). На этом же принципе основываются и тесты на «самооценку» и «субъективную реакцию», предложенные американским лингвистом У. Лабовым и широко используемые социолингвистами. Вернер Кёниг – автор «Атласа немецкого литературного произношения», отмечает, что слуховая транскрипция является в языкознании во многом отношении незаменимой [10, с.172]. Современные исследования в области перцептивной фонетики, изучающей механизмы распознавания звуковых сигналов, доказывают, что человек может различать на слух около 300 000 разных по интенсивности и частоте тональных звуков [11, с.219]. В этой связи интересно и замечание М.В. Панова о пользе слуховых и мускульных наблюдений: «Один из убедительных фактов: открытие, что в русском языке есть согласный [Н] было сделано Р.И. Аванесовым без всяких инструментов, они в этом случае и не нужны. А открытие значительное...» [12, с.44]. Данные, полученные И. Хофе в ходе исследования особенностей немецкого произносительного стандарта в Швейцарии [13], и В. Кенига, осуществившего для составления своего атласа транскрипцию различных реализаций звуков при чтении 1500 слов и минимальных пар, в большинстве своем также основаны на слуховом анализе.

Пренебрегать возможностями электроакустического метода, конечно, не следует, особенно при исследовании речи на супraseгментном уровне, или если ставится задача дать амплитудно-частотную характеристику тех или иных фонологических переменных (ФП) и их вариантов. Однако и здесь предпочтение иногда отдается аудитивному методу как ведущему, к примеру, когда целью является определить именно те интонационные параметры, которые могут быть восприняты носителем языка на слух (напр., интонация завершенности / незавершенности, или «утвердительности / вопросительности» – в формулировке для аудиторов-нелингвистов, см. [14]). С точки зрения акустики интонация – это взаимосвязанные изменения частоты основного тона и интенсивности на временной оси. Однако многое из того, что обнаруживает в интонации электроакустический метод, слух рядового носителя языка не фиксирует – человек просто не слышит эти нюансы звуковой информации, так как они нерелевантны для смысловозначения. Методика инструментального анализа используется здесь лишь как вспомогательное средство – для подтверждения результатов аудитивного анализа. Дополнительная обработка части материала посредством современных компьютерных программ (“Spectrum Analysis”, Speech Analyser, WaveSurfer, Sound Analyser, WaveLab, Transcriber, CoolEditPro и др.) позволяет осуществить визуализацию интонационных параметров фразы.

Аудиторами могут быть – и это тоже зависит от задач исследования – фонетисты, специализирующиеся на данном языке как родном или иностранном, высокообразованные и наивные носители исследуемого языка. Такая неоднородность состава аудиторов является условием наибольшей доказательности: высокая степень совпадения восприятия дифференциальных признаков того или иного социолекта аудиторами различных категорий означает высокую достоверность результата. Кроме того, более корректным для статистического анализа считается нечетное количество аудиторов [15, с.39].

При исследовании вариативности звучащей речи на сегментном уровне задачей экспертов может быть определение а) степени соответствия реализации сегментного состава норме либо степени отклонения от нее (с регистрацией диалектно окрашенных форм); б) «поведения» гласных и согласных в ударной и безударной позициях (с регистрацией случаев ассимиляции, редукции, элизии); в) того, с каким стилем можно соотносить произношение информантов в той или иной коммуникативной ситуации, например, при чтении списков слов, во время ответов на вопросы интервью, бесед в неформальной обстановке. В этом случае желательно привлечь носителей языка, имеющих филологическое образование, и фонетистов. Система транскрипционных знаков оговаривается заранее. По мнению И. Хофе [13, с.46], транскрибирование прослушанного материала может осуществляться одним из аудиторов, тогда некоторые возможные искажения будут происходить, по крайней мере, только в одном направлении. Кроме того, нельзя отрицать и воздействия фактора ожидания, который основывается на уже имеющихся у аудиторов знаниях и слуховых стереотипах. В итоге, какие-либо неожиданные варианты реализации ФП могут быть пропущены, а другие, наоборот, привнесены, «дослышаны» («hineingehört») [10, с.168]. Фактор «человеческой ошибки» существует, однако, по мнению В. Кенига, при большом корпусе данных он не оказывает существенного влияния на конечные результаты [10, с.172].

Зафиксированные варианты реализации ФП сверяются далее со словарями произношения (для нем. яз. – GWDa [16], DUDEN [17], новейший словарь готовится к выпуску в издательстве de Gruyter), сравниваются с материалами исследований в области фонетики и фоностилистики (напр., Г. Майнхольда «Deutsche Standardaussprache. Lautschwächungen und Formstufen»), диалектологии, а также представленных в специальных диалектографических атласах (напр., Г. Клаусманна [18], Х. Венгера [19] в области немецкого языка). Таким образом возможно выделить случаи употребления некодифицированных вариантов, а данные анкет помогут определить источник регионально окрашенных произносительных форм в речи информантов.

Исследования языковой вариативности с позиций социолингвистики проводятся как в рамках одной социальной группы, тогда ведущей становится задача ситуативной (напр., стилистической) дифференци-

ции речи, так и в нескольких группах в компаративном аспекте с целью установления социальной стратификации языковых особенностей, чаще всего – в пределах одного контекста общения. В любом из этих случаев при неоднородном составе информантов целевую группу необходимо разделить на подгруппы по возрасту и полу. Выявление гердерных или возрастных различий часто становится предметом отдельных исследований, которые, в свою очередь, также учитывают фактор социального и территориального происхождения и коммуникативной ситуации.

В качестве операционных единиц исследования используются фонологические переменные – звуковые единицы, отличающиеся от абстрактного стандарта (фонемы), и которые реализуются в живой речи в вариантах – конкретных реализациях ФП, обусловленных влиянием комплекса факторов языкового и социального порядка (см., напр., [8; 20]). Признаки, дифференцирующие произношение представителей социальной группы на сегментном уровне, заключаются в частотности реализации вариантов ФП в зависимости от какого-либо неязыкового параметра. Эта частотность (или «частость» по терминологии М.В. Панова) определяется в ходе математической обработки данных корреляционного анализа и может быть представлена в виде переменных правил реализации ФП для той или иной ситуации общения, стиля, возрастной категории информантов, в т.ч. разного пола. Практически корреляционный анализ предполагает а) соотнесение зарегистрированного при прослушивании фонозаписей количества вариантов ФП, реализованных в разных позициях в слове с учетом фонетического окружения, структуры слога, словесного и фразового ударения, с ситуацией общения (а также возрастом и полом); б) вычисление процента реализации этих вариантов ФП в речи каждого информанта, а затем всех членов целевой группы (средняя величина). То есть необходимо иметь точные данные о:

- 1) количестве информантов (напр., 44);
- 2) общем количестве реализаций (напр., 10) конкретной ФП (напр., /ε:/ в конкретной позиции в слове (напр., в открытом ударном слоге слова *Mähne*) и ситуации (напр., при чтении списков слов);
- 3) количестве реализации того или иного варианта ФП (напр., /ε:/ как [ε:], 3 случая) в данной позиции в речи каждого информанта.

Вычислить процент реализации варианта [ε:] ФП /ε:/ в обозначенной позиции можно по формуле:

$$B1 = \frac{E(P1)}{E} 100\%$$

E всех реализаций ФП,

где E(P1) – сумма реализаций варианта 1, то есть [ε:]; E – сумма всех реализаций ФП /ε:/ в данной позиции в данной ситуации.

Коммуникативные ситуации и фонологические переменные, значимые для исследования, намечаются гипотетически до проведения эксперимента, еще в ходе общего ознакомления с речевым репертуаром информанта.

Исследование речи в естественных условиях представляет особый интерес и актуальность, поскольку оно дает образцы и свидетельства реального речевого поведения носителей языка. При изучении фоностилистической вариативности речи членов одной социально-профессиональной группы экспериментатору необходимо сначала определить типичные для их деятельности ситуации общения (для преподавателей, напр., это лекции, семинары, беседы с коллегами и студентами), которые, с другой стороны, должны отличаться друг от друга по признаку, значимому для дифференциации стилей. Одним из опробованных в фоностилистике критерием является степень официальности и связанная с ней степень внимания говорящего к собственной речи. (Произносительные стили будут соответственно различаться количеством редуцированных и ассимилированных форм). Достижению той же цели служат и перечисленные выше приемы включенного наблюдения, интервью и т.д. Они помогают воссоздать ситуации общения, различающиеся степенью официальности, расположить которые в порядке общего возрастания внимания информантов к собственной речи можно следующим образом:

- беседы на различные темы с участием исследователя (метод «включенного наблюдения»). Исследователь, активно включившись в разговор, может изменить достаточно непринужденный характер общения на более официальный и получить данные, подтверждающие факт влияния изменившейся ситуации общения на речь говорящих;
- проведение интервью – ситуация более официального общения, однако и здесь возможно зафиксировать образцы неподготовленной, эмоционально окрашенной речи, если тема вызывает интерес или близка собеседнику;
- чтение отрывка текста, например, с заданием обратить внимание на произношение подчеркнутых слов – тем самым внимание информанта намеренно отвлекается от других ФП, интересующих экспериментатора;
- чтение списков и минимальных пар слов, содержащих исследуемую ФП.

При чтении списков и пар слов внимание информантов обычно сосредоточено на правильном произношении. При чтении связных текстов оно отвлекается и на другие слова, переключается на содержание читаемого текста. Исследователь получает варианты ФП, при реализации которых внимание информантов к ним было ослаблено или полностью отключено, что соответствует ситуациям менее официального и неофициального общения. У. Лабов рекомендует, кроме того, включать минимальные пары в текст таким образом, чтобы говорящий не заметил контраста (напр., *God – guard*). Его произношение в этом случае можно будет сравнить с тем, как он читает изолированные минимальные пары слов, где его внимание направлено на исследуемую переменную и ее смысловозначительную роль [8, с. 124].

В целом, это еще раз доказывает, что степень внимания (ее ослабление) – значимый неязыковой фактор, обуславливающий появление фонетических вариантов в речи одного и того же говорящего.

В методике социофонетических исследований всегда актуален вопрос, какой из приемов записи звучащей речи применить в той или иной ситуации.

При открытом использовании записывающего прибора исследователю необходимо уменьшить так называемый «эффект микрофона», в той или иной степени изменяющий естественное поведение изучаемых индивидов и который выражается обычно в двух негативных последствиях: скованности, «зажатости» (Mikrofonbefangenheit) говорящих либо, наоборот, чрезмерном воодушевлении, «полете» (Mikrofonbeflügelung, см. [21, с.98]). Для снятия эмоционального напряжения информанту можно предложить заранее ознакомиться с материалом (списками слов, текстом). Вопросы интервью на темы, интересные для испытуемых и вызывающие их живую непосредственную реакцию, также несколько снижают «микрофонный эффект», равно как и то, что высокочувствительный стереофонический мини-микрофон позволяет не держать его непосредственно перед говорящим и направляет речь в более естественное русло. Тем не менее, дилемма, обозначенная У. Лабовым как «парадокс наблюдателя» (когда целью является определить, как люди говорят, когда они не подвергаются систематическому наблюдению, однако получить такие данные возможно только при помощи систематического наблюдения [8, с.121]), в практике исследования и сегодня едва ли устранима полностью, если, конечно, не обратиться к скрытой аудио- или видеозаписи. В этом случае информант не ставится в известность об использовании записывающей техники, и данные, полученные таким способом, характеризуют естественное, спонтанное речевое поведение носителей языка. Здесь, однако, возникает другая проблема – вопрос этической ответственности исследователя по отношению к исследуемому (при каких условиях можно утверждать, что научные интересы ставятся выше моральных притязаний участников эксперимента?). Проблема решается по-разному в зависимости от сложившейся ситуации. Иногда возможно заранее получить согласие информантов на проведение «скрытой записи», применяемую в дальнейшем без уведомления, но с условием прослушивания записанного по окончании эксперимента. Чаще всего, однако, приходится иметь дело с «полускрытой записью», когда об истинной цели исследования информантам не сообщается, а чтобы снизить микрофонный эффект предварительно ведутся разговоры на самые обычные бытовые темы: это момент «привыкания» информантов к ситуации записи и фигура исследователя уже не становится помехой. При этом лучше использовать не сложную аппаратуру, а как можно более неброские, но качественные приборы, например, миникассетный магнитофон или минидиск с переносным микрофоном, позволяющие зафиксировать все акустические сигналы, и исключить применение видеокамеры.

Исходя из сказанного, можно сделать **вывод** о том, что наблюдение за речевым поведением носителей языка в аутентичных ситуациях общения, фонозапись вербальных данных и созданный на этой основе текстовый эквивалент (транскрипция) с использованием аудитивного и, при необходимости, электроакустического методов являются надежным источником получения достоверных сведений о вариативности произношения, обусловленной взаимодействием языковых и социальных факторов. Разработка расширенной системы социофонетических методов с привлечением возможностей перцептивной фонетики и психолингвистики может составить перспективный предмет исследования социально обусловленной языковой вариативности.

Источники и литература

1. Прокопова Л.І. Соціолект школярів: німецька літературна норма вимови // Мови Європейського культурного ареалу: розвиток і взаємодія. – К.: Довіра, 1995. – С. 163–167.
2. Петренко А.Д. Некоторые методические аспекты социофонетики // Методы экспериментально-фонетического исследования звучащей речи. – К.: КГПИИЯ, 1991. – С. 17–30.
3. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. – К.: «Рідна мова», 1998. – 251 с.
4. Стериполо Е.И. Исследование фонетической вариативности в социолингвистическом аспекте // Методы экспериментально-фонетического исследования звучащей речи.. – К.: КГПИИЯ, 1991. – С. 31–37.
5. Исаев Э.Ш. Тенденции развития произношения старшекласников Германии: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – К.: 1998. – 181 с.
6. Петренко Д.А. Фоностилистическая вариативность произношения политических деятелей Германии: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – К.: 2003. – 208 с.
7. Петренко А.Д., Исаев Э.Ш. Полустандартное интервью в социофонетическом исследовании // Четвертые Поливановские чтения. Сб. научных статей. Ч. 2. – Смоленск, 1998. – С. 95–100.
8. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. 7. – М.: «Прогресс», 1975. – С. 96–182.
9. Валигура О.Р., Скробот А.И. Программа и методика экспериментально-фонетического исследования // Методы экспериментально-фонетического исследования звучащей речи. – К.: КГПИИЯ, 1991. – С. 55–74.
10. König W. Atlas zur Aussprache des Schriftdeutschen in der Bundesrepublik Deutschland. – Ismaning, 1989. – Bd. 1. Text; Bd. 2. Tabellen und Karten.
11. С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова. Общая фонетика: Учебник, М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.
12. Панов В.М. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Просвещение, 1979.

13. Hove I. Die Aussprache der Standardsprache in der deutschen Schweiz (Texte und Untersuchungen zum gesprochenen Deutsch; zur Aussprachenorm – S. 18–26) // Herausgegeben von K. Ehlich, W. Kallmeyer. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, Band 47, 2002. – 197 S.
14. Сухарева Е.Е. Дифференциальные признаки завершенности и вопросительности в интонационной системе английского языка (в сопоставлении с русским): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Воронеж, 2003. – 187 с.
15. Стериополо Е.И. Методы фонетического анализа устной речи. Анализ текстов различных жанров // Методы экспериментально-фонетического исследования звучащей речи. – К.: КПИИЯ, 1991. – С. 38–54.
16. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache (GWdA). – Leipzig, 1982.
17. Duden. Aussprachewörterbuch: Wörterbuch der deutschen Standardaussprache. Bd. 6., 4. Aufl., Dudenverlag. – Mannheim, 2000.
18. Klausmann H., Kunze K., Schrambke R. Kleiner Dialektatlas: Alemannisch und Schwäbisch in Baden-Württemberg. – Bülh/Baden: Konkordia Verlag, 1993.
19. Wängler H.-H. Atlas deutscher Sprachlaute. – Berlin: Akademie-Verlag, 1974.
20. Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. Вып. 7. – М.: Наука, 1975. – С. 320–336.
21. Eigler F. Frauen und Männer im Gespräch. Eine empirische Untersuchung des Kommunikationsverhaltens von nordamerikanischen Studentinnen und Studenten. – Marburg: Tectum Verlag, 2002. – 338 S.

Шиманович Г.М.

МЕТАФОРА ЯК КОГНІТИВНИЙ МЕХАНІЗМ НОМІНАЦІЇ ТА ЇЇ РОЛЬ У МОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ

У формуванні мовної картини світу важливу роль грає семантичне словотворення, оскільки це та сфера, в якій найбільшою мірою виявляється взаємозв'язок між мовою та свідомістю. Актуальність роботи зумовлена загальною спрямованістю сучасних лінгвістичних досліджень на врахування ролі когнітивних структур у словотворчих процесах, а також необхідністю вивчення засобів вербалізації різноманітних когнітивних структур.

Мета роботи полягає у встановленні ролі метафори в номінативних процесах сучасної англійської мови. Реалізація поставленої мети передбачає розв'язання таких завдань: проаналізувати різноманітні концепції щодо механізму утворення метафори; дослідити метафору з точки зору когнітивної лінгвістики як концептуальне явище; розглянути найбільш продуктивні моделі метафоричного переносу. Методи дослідження включають метод концептуального аналізу, компонентного аналізу, а також лексикографічний аналіз словникових дефініцій.

При дослідженні картини світу, яка закріплена в мові, в тієї її частині, яка представлена семантичними запозиченнями та їх семантичними потенціями, необхідно враховувати існування зв'язку між мовою та свідомістю, що важливо для аналізу механізмів формування та інтерпретації значень лексичних одиниць, когнітивного осмислення всіх процесів, які мають місце в лексичній системі мови [6, с. 145].

Вирішення цієї проблеми стає можливим із застосуванням підходів когнітивної семантики. Концептуальна система знань про світ, яка формується на основі досвіду людини, є основою семантики мови і знаходить своє відображення в процесі переосмислення значень. Існування певних закономірних зв'язків мовної форми з чисельними функціями, які вона виконує, пояснюється з точки зору когнітивної теорії, як зв'язок між певною лінгвістичною формою та ментальним образом.

Оскільки у носія тієї чи іншої мови є обмежений інвентар лексичних засобів, то для найменування того, що ще не отримало номінації в мові, або для вторинної номінації вже існуючого в мові поняття або концепта, мовець досить часто використовує основні засоби формування нових значень, найбільш значущим серед яких є метафора.

Проблема метафори з давніх часів привертає увагу дослідників. У сучасній лінгвістиці проблема метафори розглядається в декількох параметрах, зокрема як стилістичний засіб або художній прийом, як засіб номінації та як засіб створення мовної картини світу. В останні десятиріччя інтерес до метафори значно зріс, що пов'язано зі “зміною наукової парадигми гуманітарного знання, у центрі якого опинилася діяльність людини, що забезпечує їй орієнтацію у світі, його практичне засвоєння, пізнання і розуміння процесів, що відбуваються у зовнішньому та внутрішньому для неї світі” [5, с. 3]. Традиційне пояснення метафори через зміну диференційної семи потенційною не задовольняє потреби сучасної семасіології. У сучасній лінгвістиці метафора отримала розуміння, перш за все, як когнітивний феномен, могутній інструмент мислення, фундаментальний прийом пізнання та концептуалізації дійсності. В когнітивній лінгвістиці метафора розглядається не просто як троп, риторичний механізм прикрасення мовлення, а як фундаментальний когнітивний агент, що організує наші думки, оформлює судження та структурує мову, “це специфічний мисленнєвий процес в якому ми розуміємо одну сферу досвіду в поняттях іншої сфери” [9, с. 317]. Отже, не випадково у метафорі вбачають ключ до розуміння основ мислення та процесів створення не тільки національно-мовного світобачення, але й його універсального образу.

Головна проблема теорії метафори полягає у визначенні механізму її утворення. Серед численних концепцій можна виділити такі: